

Аркадий Гордин
Михаил Гордин
Путешествие
в пушкинский
Петербург

А. Гордин
М. Гордин
Путешествие в
пушкинский Петербург

<https://litres.ru/72118105>

*Путешествие в пушкинский Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; Спб;
2025*

ISBN 978-5-389-30128-3

Аннотация

Книга Аркадия и Михаила Гординых «Путешествие в пушкинский Петербург» открывает современным читателям уникальную возможность познакомиться с жизнью российской столицы первой трети XIX века. Это замечательный путеводитель по Петербургу пушкинской поры, рассказывающий не только о том, как менялся архитектурный облик города, но и о том, как строилась система его управления, как проходила повседневная жизнь людей, населявших его (высшей аристократии, чиновников, военных, духовенства, ученых, врачей, актеров, торговцев, ремесленников, крестьян), а также о наиболее значимых культурных и исторических событиях тех лет.

Опираясь на обширную литературу (свидетельства мемуаристов, газеты, журналы, архивные документы первой половины XIX века, научные

источники), авторы книги разворачивают перед читателями широкую панораму общественно-политической, литературной, художественной и хозяйственной жизни Петербурга.

Впервые опубликованная в 1983 году, эта книга послужила фундаментом для многочисленных исследований российской повседневной культуры XIX века и до сих пор остается ценнейшим источником сведений и занимательным чтением для всех, кто интересуется отечественной историей.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Глава первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Аркадий Гордин,
Михаил Гордин
Путешествие в
пушкинский Петербург**

Во внутреннем оформлении использованы силуэты работы Федора Толстого и Василия Гельмерсена

© А. М. Гордин (наследник), М. А. Гордин (наследник), 2025

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

* * *

В 1830-х годах художник Г. Г. Чернецов написал картину «Парад на Царицыном лугу». На первом плане живописец изобразил толпу зрителей. Он собрал здесь едва ли не всех примечательных петербуржцев – своих современников. Их более двухсот. В этой толпе не сразу находишь скромную фигуру Пушкина. В пестрой толчее тогдашнего Петербурга поэт нередко бывал заслонен людьми в блестящих мундирах, пышных нарядах. Но в исторической перспективе невысокая фигура поэта заслонила собою все прочие. И вся эпоха с середины 1810-х до середины 1830-х годов нередко именуется пушкинской эпохой, а город с полумиллионным населением – с императорским двором, чиновными особами, обывателями и крепостным людом – мы называем городом Пушкина, пушкинским Петербургом.

С Пушкиным вошел в отечественную литературу новый герой, сразу ставший одним из самых значительных ее геро-

ев, – город Петербург. Наше восприятие Петербурга времен молодости Пушкина неотделимо от его оды «Вольность», политических эпиграмм, первой главы «Онегина»... Тишина ночной Невы и барабанный бой казарм, спектакли в Большом театре и шумные сходки гвардейской молодежи – любая черта жизни города невольно связывается для нас с тем обликом Петербурга, который нарисовал Пушкин.

Петербург пушкинской молодости – город поэтов и вольнодумцев, город жизни широкой, высокоумной, блестящей. Это город,

Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все – прекрасного друзья...

(«Послание к кн. А. М. Горчакову»)

Точно так же своим восприятием Петербурга конца 1820–1830-х годов мы в огромной степени обязаны стихам и прозе Пушкина.

Здесь впервые в русской литературе появляется образ гонимого, гибнущего под гнетом страшной жизни «маленького человека», впервые столь явно проступает двойственный лик Петербурга:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,

Скука, холод и гранит...

(«Город пышный, город бедный...»)

Два периода в истории пушкинского Петербурга, так не похожие один на другой, разграничены героическими и трагичными событиями на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Петербург юного Пушкина – город надежд, Петербург зрелого Пушкина – город разочарований. Там – восторженные порывы мечтателя. Здесь – трезвый и пронизательный взгляд мудреца. Там – праздничное ожидание, чаяния великих перемен. Здесь – темные будни, скучная, порой смешная, порой нелепая суета.

Однако и повседневный быт, и даже мелочное, бессмысленное существование самых незаметных, маленьких людей для Пушкина 1830-х годов есть не что иное, как обратная сторона грандиозных исторических событий и великих деяний. И певца Петербурга вдохновляют не только фигуры исторические, но и «ничтожные герои» – такие, как бедная вдова-чиновница и дочь ее Параша; предметом его классических октав становится судьба кухарки Феклы...

Жизнь Петербурга была для Пушкина материалом художественного исследования важнейших человеческих проблем.

Каким же был, как выглядел город в то время?

Панорама пушкинского Петербурга складывается из мно-

жества разнообразных черт. Это и архитектура города, и характер, нравы населения, и административное устройство, и та роль, которую Петербург играл в жизни России и Европы. Невозможно понять пушкинский Петербург, не зная о тайных политических союзах, о литературных обществах и салонах. Необходимо иметь представление о театральной, музыкальной и художественной жизни столицы, научных учреждениях и учебных заведениях, о промышленности, ремеслах, торговле.

Особенности петербургского уклада, даже мелкие и на первый взгляд малозначащие детали городского быта приобретают для нас серьезный смысл именно потому, что они помогают восстановить достоверную картину города, каким его знал Пушкин.

Тот период в жизни Петербурга, свидетелем и певцом которого был Пушкин, начинается с грозных и славных событий Отечественной войны 1812 года.

Победа в Отечественной войне открывала новую главу в русской истории. День, когда окончился великий поход, когда в столицу вернулись гвардейские части, обозначил рубеж двух эпох.

* * *

Это был один из самых ярких и значительных дней в жизни пушкинского Петербурга.

Утро выдалось ветреное и пасмурное. Однако уже с рассвета весь город высыпал на улицы. Толпы народа тянулись к южной окраине столицы, на Петергофскую дорогу. Туда же направлялись коляски и кареты знати, туда же везли седоков извозчики, скакали всадники – военные и штатские. На Петергофской дороге, за Нарвской заставой, выстроились гвардейские полки – Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Гвардейский экипаж.

Еще четыре месяца назад эти полки стояли лагерем под Парижем.

Пройдя с боями тысячи верст, освободив Европу от наполеоновского господства, они завершили свой поход во французской столице.

Несколько недель отдыха – и в июне 1814 года первая гвардейская пехотная дивизия через Нормандию направилась к Шербуру и здесь погрузилась на корабли. Плыли пять недель. Несколько дней гостили в Англии. И вот наконец увидели родные берега.

Поначалу полки разместили в Петергофе и Ораниенбауме. 27 июля гвардейцы выступили к Екатерингофу и встали лагерем на окраине столицы. В тот же день в Павловске был устроен придворный праздник, на который пригласили гвардейских офицеров.

Поглядеть на праздник привели из соседнего Царского Села воспитанников Лицея. Среди них был и пятнадцатилетний Александр Пушкин.

За два года перед тем – летом 1812 года – юные лицеисты прощались с уходившими в поход воинами. «Мы провозжали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея, – рассказывал И. И. Пущин, – мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми: усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестами. Не одна слеза тут пролита».

Пушкин позже писал об этом:

*Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирает
Шел мимо нас...*

(«Была пора: наш праздник молодой...»)

Многие месяцы Петербург, как и вся страна, жил ожиданием очередных военных реляций. Многие месяцы отделяли страшную и горестную весть об оставлении Москвы от радостного известия о взятии Парижа. Россия прошла через тяжкие испытания. Сотни городов и селений были разорены. Тысячи русских воинов – солдат, офицеров, генералов – кровью заплатили за независимость своей страны. Возвращение победоносных полков, счастливое окончание долгой и опасной войны касалось всех от мала до велика, стало праздником для всех сословий.

Торжественное вступление гвардии в столицу назначено было на 30 июля.

Возле Нарвской заставы поставили триумфальные ворота в классическом стиле: деревянные, но богато украшенные изображениями доспехов, фигурами воинов. Венчала триумфальную арку колесница Славы с шестеркой вздыбленных коней.

К четырем часам дня войска выстроены были на второй версте от города и торжественным маршем направились в город, в свои казармы. По всей дороге их встречали радостными криками, из окон летели цветы. Порой солдаты выбежали из рядов, чтобы обнять родных.

В толпе смеялись, плакали, пели. Вечером город был иллюминирован. «Нынешний день принадлежит к числу прекраснейших, усладительных дней, которыми одарил нас мир; оный останется навсегда незабвенным в сердцах наших!» – писала петербургская газета «Русский инвалид». И вот на фоне этой единопдушной радости, этого всеобщего торжества особенно резко и зловеще обозначилась вечная, непереходимая черта, разделявшая господ и просто-народье. Будущий декабрист Иван Якушкин, тоже встречавший 30 июля 1814 года гвардейские полки, рассказывал об этом дне: «Наконец показался император, предводительствующий гвардейской дивизией... Мы им любовались, но в самую эту минуту, почти перед его лошадыю, перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и

бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя...» Русский мужик, русский народ для царя, как и для большинства дворян, был чем-то чуждым, враждебным и, пожалуй, не менее опасным, чем Наполеон.

Между тем как раз теперь, когда бесстрашие и самоотверженность русского мужика спасли страну от порабощителей, народ особенно остро ощутил несправедливость своего подневольного положения.

Солдаты, освобождавшие Европу, своими глазами увидели такие земли, где народ не знал крепостного ярма. «Еще война длилась, – писал декабрист Александр Бестужев, – когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа».

Многие молодые офицеры вернулись из заграничных походов с твердым убеждением: Россия, даровавшая независимость другим странам, сама должна быть избавлена от рабства.

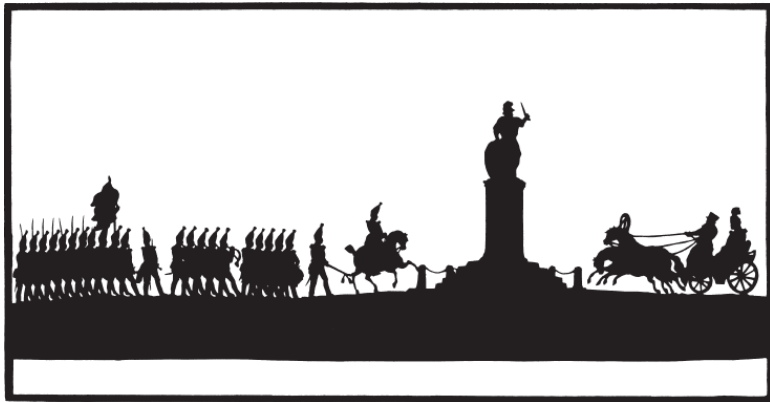
В огне освободительных войн рождались и зрели новые понятия.

Ощутив меру своих сил, народ осознавал и свое право на свободу.

И 30 июля 1814 года в столицу вернулись уже не те вои-

ны, которые покидали ее два года назад.

Начинались десятилетия жизни Петербурга, которые сегодня именуются пушкинскими.

Глава первая

«Строгий, стройный вид»

Когда в 1811 году юный Пушкин впервые увидел Петербург, над Северной столицей стоял шум от тяжелых молотов каменотесов и звонких плотничьих топоров. С длинных барж выгружали на берег бревна и гранитные глыбы. Скрипучие телеги везли кирпич...

Город строился и разрастался.

Все шире становилось кольцо невзрачных окраинных строений: фабрик, амбаров, складов, наскоро сколоченных барачков.

И все наряднее становился центр столицы. Первые десятилетия XIX века – время, когда грандиозные петербургские ансамбли обретали свой завершённый вид. При жизни Пушкина окончательно сложился тот парадный, величественный облик Северной столицы, который поэт увековечил в «Медном всаднике»:

...юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...

Темного леса в центре города Пушкин уже не застал, но

он видел болотистые луга, на которых паслись коровы, огороды и поросшие травой пустыри. На его глазах здесь поднимались дворцы и башни. Пушкин оказался свидетелем того, как удивительно быстро преображался город. Возвращаясь сюда после долгих перерывов, он тем острее мог заметить стремительность перемен. Целые кварталы города исчезали – для него это происходило как бы мгновенно, – и на их месте возникали новые. Изменения эти становились частью его собственной жизни.

Пушкин видел не только как хорошел Петербург, но и как рост парадного и «делового» города жестоко отзывался на многих его обитателях. Рассказывая в поэме «Домик в Коломне» о незаметных жителях столицы – вдове-чиновнице и ее дочери, – Пушкин упоминает и о судьбе их «смиренной лачужки». Строгий и стройный Петербург вызывает в душе поэта противоречивые чувства:

Дни три тому туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? – И что же?

Мне стало грустно: на высокий дом

Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы обхватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным сном
Бывает сердце полно...

Благодаря описаниям и многим изображениям города, оставленным современниками, можно довольно точно определить, как выглядела и как существенно менялась панорама Петербурга.

Окинем взглядом этот постепенно преобразившийся ландшафт и отметим те примечательные строения, которые появились в городе на глазах Пушкина. Вообразим себя в Петербурге середины 1830-х годов.

Как ни велик был «град Петров», с самой высокой тогда смотровой площадки в центре столицы – с башни Адмиралтейства – открывалась вся картина города вплоть до дальних его окраин.

Само здание Адмиралтейства – топографический центр столицы – после перестройки его зодчим А. Д. Захаровым в 1806–1823 годах стало и архитектурным центром Петербурга. Зодчий счастливо нашел формулу, соединившую заветы уходящего века и стремления нового. Здесь впервые воплотились те смелые архитектурные образы, которые были потом развиты в величайших петербургских ансамблях и стали неразрывны с понятием «петербургская архитектура». Бесконечная гладь стен с уходящими вдаль рядами окон. Ше-

ренги стройных белых колонн. Смело вычерченные пролеты огромных арок. И всегда, во всем – безукоризненная точность пропорций, ясность и простота.

Стоя на восточной террасе Адмиралтейской башни, наблюдатель прежде всего видел Дворцовую площадь. До конца 1810-х годов всю ее сторону, противоположную Зимнему дворцу, занимал ряд разноликих домов. В 1820-е годы их сменило широко развернувшееся здание Главного штаба. Оно выросло на глазах Пушкина. Строил его архитектор Карл Росси. Художественные идеи, предложенные Захаровым, он применил с блестящим искусством.

В 1834 году по проекту архитектора Огюста Монферрана в центре площади воздвигли Александровскую колонну – цельный гранитный столб с фигурой ангела на вершине. Высота памятника – 47,5 метра. Тогда это было самое грандиозное сооружение такого рода в мире: выше колонны Траяна в Риме, выше Вандомской колонны в Париже.

Восточную сторону площади занимало длинное двухэтажное здание экзерциргауза, к которому примыкал большой двор, обнесенный невысокой оградой. В ненастную погоду в экзерциргаузе обучали солдат строевым движениям – «экзерцициям». Примечательно, что здание это располагалось подле самого царского дворца.

Выше по Неве, соединенное с Дворцовой площадью Миллионной улицей, открывалось Марсово поле (Царицын луг) – широкое и пустынное. По сторонам его поднимались зда-

ния Мраморного дворца и Михайловского (Инженерного) замка. В пушкинское время и эта площадь получила свое архитектурное завершение, когда в конце 1810-х годов по проекту В. П. Стасова здесь было построено здание Павловских казарм. Узкая лента Лебяжьей канавки отделяла Царицын луг от старинного Летнего сада.

Далее на берегу Невы возвышался пятиглавый собор Смольного монастыря. По соседству с ним располагалось здание Смольного института.

Район города, примыкавший к Смольному, – самая высокая часть города – в просторечии именовали Песками: из-за редкого для столицы сухого песчаного грунта.

За Смольным, на правом берегу Невы, среди лугов и перелесков виднелись избы охтинских селений.

Взглянув в другую сторону – вниз по течению Невы, – наблюдатель видел перед западным фасадом Адмиралтейства огромную Петровскую (или Сенатскую) площадь с памятником Петру и соседнюю с нею Исаакиевскую площадь.

Обе площади были перегорожены заборами, завалены глыбами гранита, бревнами, досками, заставлены сараями и бараками. С 1818 года здесь, на месте небольшой старой церкви, начали строить по проекту О. Монферрана грандиозный Исаакиевский собор. К 1830-м годам собор уже поднимался огромным гранитным кубом на границе двух площадей. «Вчера поднята, в присутствии высочайших особ, последняя гранитная колонна Исаакиевского собора, – сооб-

щал в августе 1830 года хроникер газеты „Северная пчела“. – Исполинские столпы сии, и отдельно стоящие, производят очаровательное действие: что будет, когда выведены будут позади их стены! Живя на сей площади и глядя ежечасно на сии колонны, я по привычке к этой картине, но не могу удержаться от изумления, когда человек подойдет к базе – тут, в соразмерности с ростом человеческим, является грозное и спокойное величие сих столпов. Начинают возвышаться и стены собора...» В одном из временных деревянных домиков, стоявших возле строящегося Исаакия, любопытствующие могли увидеть тщательно исполненную модель будущего собора.

Пушкин имел возможность наблюдать за строительством храма в течение восемнадцати лет.

На стыке трех площадей – Петровской, Исаакиевской и Адмиралтейской – в конце 1810-х годов Монферран построил роскошный особняк, тот самый дом «на площади Петровой», который Пушкин упомянул в «Медном всаднике»:

...дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...

За Исаакиевской площадью виднелись отрезок Мойки и Большая Морская улица с пожарной каланчой. Западнее, там, где позже был разбит Конногвардейский бульвар, бле-

стела лента Адмиралтейского канала. От его набережной и до Невы вдоль Сенатской площади поднялись новые здания Сената и Синода, построенные в 1829–1834 годах по проекту К. И. Росси. Под соединившей их мощной аркой начиналась Галерная улица.

Возвращая взор к подножию башни Адмиралтейства, наблюдатель видел начало Невского проспекта. К 1830-м годам обе стороны главной улицы Петербурга – от Дворцовой площади до Фонтанки – постепенно застроили схожими друг с другом трех- и четырехэтажными зданиями строгой архитектуры. Эти единообразные линии желто-белых фасадов время от времени прерывались – то барочными украшениями Строгановского дворца, то колоннадой Казанского собора, то аркадами Гостиного двора и Императорского кабинета (возле Аничкова дворца).

Короткая Михайловская улица вела от Невского к Михайловскому дворцу. И улица, и дворец появились лишь в середине 1820-х годов. Прежде – Пушкин застал это время – здесь пролегла «малопроезжая улица», за которой начинались огороды.

Еще моложе были Александринский театр (открыт в 1832 году) и проложенная за ним Театральная улица, по бокам которой стояли всего два здания – каждое почти в четверть километра длиной. На площади у Чернышева моста через Фонтанку, куда выходила Театральная улица, виднелись здания министерств – народного просвещения и внутренних

дел. Их тоже тогда достраивали. И Михайловский дворец, и Александринский театр, и Театральная улица, и здания министерств – творения К. И. Росси.

На другом берегу Фонтанки, над пестрыми грядами крыш маленьких, по преимуществу одноэтажных и двухэтажных домиков, там, где начиналась старая Ямская слобода, высились главы Владимирской церкви и трехъярусная ее колокольня. Еще дальше, сквозь серую дымку пыли, поднятую над Невским проспектом вереницами карет и всадников, взгляд различал красноватые башни и стены Александро-Невской лавры.

Кроме Невского проспекта, от здания Адмиралтейства радиусами отходили Адмиралтейский проспект (или, как его чаще называли, Гороховая улица) и Вознесенский проспект, где год от года все выше вздымались тесно прижатые друг к другу доходные дома с лавками и мастерскими в первых этажах. Неподалеку от того места, где Адмиралтейский проспект пересекался с Садовой улицей, видна была церковь Успения Богородицы на Сенной площади и просматривалась часть торжища, кипящего пестрой простонародной толпой. Далее открывалась между домами заставленная баржами Фонтанка с ее набережными, дворцами, особняками и казармами. За рекой расстилался огромный Семеновский плац, окруженный казармами лейб-гвардии Семеновского полка, и отчетливо просматривался голубой купол построенного Стасовым Троицкого собора Измайловского полка.

К западу от Сенной площади начинался район города, именовавшийся Коломной. Часть Коломны возле Офицерской улицы петербуржцы называли Козьим болотом: до начала XIX века здесь лежало едва проходимое болото, где пасли коз, а осенью стреляли уток.

Над бессчетными крышами домов и домишек Коломны поднималась огромная темная крыша Большого театра, перестроенного после пожара и торжественно открытого в 1818 году. Неподалеку виднелись главы Морского Никольского собора с ярко вызолоченными куполами, его ажурная колокольня.

При взгляде вдоль Невы в сторону залива открывался зеленый массив Екатерингофского парка. Еще дальше виднелись высокие трубы нескольких фабрик, лесистые острова в устье Невы, широкая дуга морского побережья, разворачивающаяся в сторону Петергофа. С середины 1810-х годов над блестящей поверхностью залива можно было видеть в небе черный дымок, оставляемый бегущим в Кронштадт пироскафом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.